

ГОРОДОК ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ

тяготы войны. Запомнили навсегда. Как Минна Петровна Филимонова, много лет работавшая в академии сначала ст. преподавателем кафедры общественных наук, а потом — заведующей музеем истории ЧелГМА.

В 1985 году, когда в Советском Союзе готовились к 40-летию Победы, один американский журналист сказал, что у русских гипертрофированное внимание к этому празднику и память о нем. А может ли быть иначе? Не было и нет в нашей стране семьи, которую бы не опалила война. Потому и не заживает память о тех годах. Нормальная, кстати, память, а вовсе не гипертрофированная. Поговорите сегодня с теми, кому в 1941-м было по пять-шесть лет. Каким-то краешком сознания они запомнили все

— Когда началась война, мне было пять лет. Жили мы в Череповце Вологодской области. Помню, как в городе появилось много раненых, и нас, тогда еще дошкольников, первый раз привезли в госпиталь. Кроватей в палате полным-полно, впереди всех лежал сплошь забинтованный раненый. Мы пели песенки, танцевали. Уж не знаю, что он видел и слышал, но после выступления попросил, чтобы меня (а я всегда стояла в первом ряду) подвели к нему. Я испугалась, у него даже глаз не было видно, а он погладил меня заглазированной рукой и сказал: «Не бойся. У меня дома такая же девочка осталась».

Через наш город шли эшелоны с Ленинградского фронта на Урал. Начинают раненых разгружать, мы с мальчишками тут как тут. Смотрим, несут носилки, а потом вдруг в сторону сворачивают, значит, умер раненый. А в сорок пятом эшелоны шли, украшенные березовыми ветками. Мы опять бегали на станцию, махали им, победителям.

В 1943 году я пошла в школу. Часть карточек родители отдавали туда, чтобы нас кормили. Привозили нам щи и хлеб. И все просили горбушку. Нам казалось, что в ней хлеба больше, чем в мякише, и она сытнее. Может, просто ее дольше ели из-за корочки.

Писали мы на полях старых газет или на обратной стороне каких-то бланков. Мама покупала на базаре химический карандаш, измельчала грифель, разводила его водой — это были чернила. Носили мы их в школу в пузырьке. Зимой, пока дойдешь, они замерзали. Как оттают, по-

лучалась вода с крупинками.

Из-за войны я потеряла слух. У нас жили эвакуированные из Ленинграда, мальчик заболел скарлатиной, я от него заразилась. А мой двоюродный брат, с которым мы провели вместе все детство, из-за войны, хоть и были мы в тылу, остался безлевой кисти. Подобрали они на станции какую-то железку. Все он ее крутил, вертел, хотелось ему из нее трубу сделать для модели парохода. Оказалось, что это запал для гранаты, который у него в руке и взорвался.

Получили мы по ленд-лизу помощь из Америки. Прислали нам в школу ботинки на деревянной подошве. Как звонок дадут, мы бежим на перемену, по всей школе стукоток. В городе у нас вместо тротуаров были деревянные настилы, по которым тоже стучали наши башмаки. Так и стал этот стук символом моего военного детства.